

Козаков в Израиле и здесь

Век. Москва. - 1998. - 30 янв. - с. 5

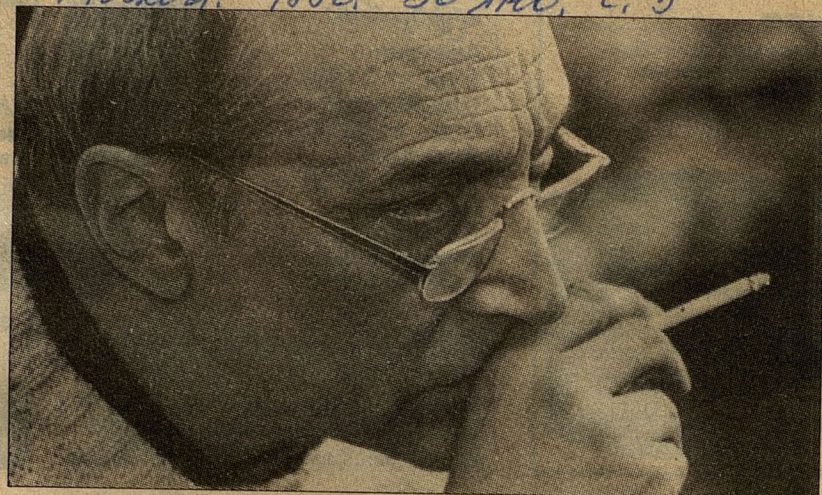
В телестудии «Останкино» собрались поклонники народного артиста России Михаила Козакова.

Последний раз он был здесь 10 лет назад. Шел 1988 год. По тем временам для любого актера было большой честью оказаться на этой сцене. Уже можно было читать и Цветаеву, и Ахматову, и Мандельштама, и даже Арсения Тарковского — и Михаил Михайлович читал их стихи, — но еще запрещалось упоминать о Бродском и Солженицыне. Это было первое и, как потом оказалось, последнее его выступление в этой телестудии.

Когда М. Козаков покинул Россию, одни одобряли его эмиграцию, другие обиделись на своего кумира. Неоднозначной была реакция и на его возвращение. И вот он снова пришел в «Останкино», чтобы встретиться со своими зрителями, поговорить. Импрозантный Козаков, ссылаясь на О. Уайльда, что не бывает нескромных вопросов, бывают нескромные ответы, сразу же дал понять аудитории, что он открыт для живого общения. «Я очень хочу, чтобы вечер у нас получился интересным», — сказал артист.

Для затравки Михаил Михайлович рассказал о телевидении прошлом. И это не случайно. Ведь именно оно сыграло в его жизни существенную роль. В большом кино у артиста мало значимых ролей. Это «Убийство на улице Данте» (1955 год) и «Человек-амфибия» (1960 год). Другое дело телевидение. Первый телевизионный фильм актера — «Евгения Гранде», где он сыграл Шарля Гранде, вышел в 1957 году. Затем «Покровские ворота», «Безымянная звезда», «Визит дамы» и др. А сколько стихов здесь прочитано! Вот и предложил Козаков подумать вслух и поразмышлять о телевидении настоящем: каким оно — благосклонное к нему в прошлом — стало теперь.

И, конечно же, первый вопрос был: какое телевидение ему больше нравится

— советское или постсоветское? Со свойственным ему юмором Михаил Михайлович ответил риторическим вопросом: какие ноги лучше — толстые кривые или тонкие кривые. «Сменились целые эпохи. Да, сейчас много пошлости, безвкусицы, раздражает реклама, много кривляний. Когда я приехал в Израиль и включил телевизор, то был удивлен, что артисты так кривляются. Приезжаю в Россию, Боже мой, то же самое. Может, я старый человек и не понимаю такого «яркого» юмора? Я на другом воспитывался. Но во всем мире сейчас существует игра лицом и шутки ниже пояса. Появился сейчас и новый жанр — юбилей. Не много ли их? Я поклялся, что, если даже доживу до 80-летия, никто не увидит ни одного моего юбилея.

Да, телевидение разное, но ведь 6 каналов. Выбирайте. Мне лично очень нравится канал «Культура», с удовольствием смотрю старые работы, которые показывают по шестому каналу. Выбрать есть из чего. Телевидение стало частным, как и во всем мире. Если раньше запрещали по идеологическим причинам, то теперь ставь что хочешь, если есть деньги».

Исчерпав телетему и посмотрев несколько отрывков из козаковских работ, благополучно перешли к семейным вопросам. Удовлетворив любопытство и выяснив, что у Михаила Михайловича пять детей и пять внуков, что старшей дочери 40 лет и она преподает французский, а младшей, Зое, три года, она родилась в Израиле и назвали ее в честь бабушки и мамы Михаила Михайловича,

артиста спросили, комфортно ли ему после возвращения в Россию и понравился ли ему Израиль. «Израиль понравился. Я себе в Израиле не понравился. Но я не жалею, что пожил там. Это освободило меня от многих комплексов. Я понял, что никакой я не человек мира. И надеюсь, что умирать буду в России. А что касается комфортности здесь... Мы живем в своей стране, просто она очень быстро меняется... Вот вчера машину угнали, только что купил. Жена ужасно расстроилась. Ну ничего, было бы здоровье».

Откровенные ответы подкупили аудиторию. Руки тянулись к микрофону, а у кого не было куража, те посылали записки. Интересовало все: и творчество, и личная жизнь, и планы на будущее. Казалось, что пришедшие в эту студию знали о своем кумире буквально все: что он занимался балетом в детстве, что его мать, русская дворянка, была знакома с Сергеем Есениным.

Рассказал Козаков и о своих любимых работах. Самая близкая и личная роль для Козакова сыграна в телефильме «Вся королевская рать». Самая дорогая для него работа — это телефильм по пьесе Толстого «И свет во тьме светит». Пьеса автобиографична. Ее запрещали и до, и после революции. В 1988 году пьесе уже можно было показывать. Но, к сожалению, зрители увидели ее всего один раз. Михаил Михайлович надеется, что, может, канал «Культура» ее покажет.

Татьяна КАЛМЫКОВА
Фото М. КОВАЛЕВА